

Неравенство в России: последствия 1990-х годов

Н. МЭННИНГ

Осуществление российских экономических реформ в 1990-е годы повлекло за собой ряд серьезных социальных последствий, в числе которых процессы нарастания чрезмерной поляризации социальных слоев и заметный рост неравенства. Автор статьи на материалах существующей статистики и данных специальных исследований анализирует, каковы причины и дальнейшие перспективы развития этих процессов в пореформенной России, а также дает приблизительный прогноз возможного развития ситуации в будущем.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что начиная с 1990-х годов в России существенно возросло общественное неравенство. Это имеет серьезные последствия, и высказывается множество аргументов, почему эта проблема настолько важна. Неравенство как таковое затрагивает ряд связанных с ним вопросов, которые мы хотели бы рассмотреть в данной статье. Во-первых, нас интересует природа неравенства как социального явления и возможности его измерения. Что принимать за точку отсчета при измерении неравенства: доходы, потребление или нечто иное? Если ориентироваться на потребление, то что понимать под немонетарной стороной потребления? Сразу возникает вопрос, какой индикатор в данном случае использовать. Обычно опираются на коэффициент Джини, однако есть и другие индикаторы. Наконец, существует проблема источников данных, доступность и выбор которых лимитированы.

Другая исследовательская проблема состоит в понимании преобладающей модели и факторов, ставших причинами неравенства. Общепринятая картина может включать в себя транзитивное состояние общества, отошедшее от государственного социализма, процесс экономического развития, глобализацию, новый политический выбор и политические практики и т. д. Могут быть определены и более специфические факторы, способствующие пониманию того, почему богатые становятся богатыми, а бедные бедными. Так что представление о модели российского неравенства (в сравнительном контексте) в настоящее время более или менее сложилось. Проблема заключается в том, каким образом эту общую картину разложить на отдельные компоненты и тем самым хотя бы частично объяснить?

Наконец, мы могли бы подумать и о том, какую форму и значимость неравенство приобретет в будущем. Куда ведут начавшиеся процессы и сопоставимы ли они с ситуацией в других странах, таких, например, как бывшие социалистические страны Восточной Европы или Китай?

Почему неравенство имеет значение?

Неравенство в течение многих лет представляло интерес для исследователей социальных проблем не столько с точки зрения положения богатых, сколько с точки зрения положения бедных. Дискуссии о неравенстве и бедности нередко ведутся в пересекающемся проблемном поле, где бедность и неравенство могут анализироваться как различные аспекты одного и того же вопроса. В литературе, посвященной анализу бедности, часто высказываются мнения, противоречащие друг другу. Является ли бедность своего рода абсолютной депривацией, проблема которой в принципе вполне решаема? Или бедность – конечный результат распределения доходов, и таким образом проблема почти неразрешима? Что касается литературы, посвященной анализу неравенства, то здесь бедность просто определяет собой один из полюсов доходного распределения, а сам опыт бедности при этом имеет гораздо меньшее значение. В любом случае традиционная точка зрения заключается в том, что все зависит от экономического роста, особенно в отношении сокращения бедности, и периоды обострения неравенства в той или иной стране всего лишь являются той ценой, которую общество платит за продвижения от сельскохозяйственной к развитой рыночной экономике. Данные, заложенные в основу известной «кривой» С. Кузнеца [*Kuznets* 1955], свидетельствуют о том, что высокая степень неравенства, наблюдаемая в Латинской Америке, может являть собой временный этап на пути к экономическому развитию. На самом деле неравенство в данной связи рассматривалось как неизбежное и желательное, поскольку поддерживало экономические стимулы и обеспечивало налоговые поступления, которые государство могло тратить на социальные и общественные нужды.

Подобный оптимизм, свойственный взглядам середины XX столетия, уже не является оправданным. Не похоже, чтобы неравенство шло на убыль в Латинской Америке, оказалось, что оно возросло во всем мире, и особенно на этапе посттранзитивного развития стран Центральной и Восточной Европы. Экономический рост не избавил от неравенства и не привел к его уменьшению, а это ведет к необходимости сосредоточить более пристальное внимание на самом неравенстве в силу его возможных последствий. Противоположная традиционному взгляду точка зрения в настоящее время основана на том, что неравенство само по себе может мешать экономическому росту [*Kislitsyna* 2003, p. 11]. Например, в странах Юго-Восточной Азии в 1990-е годы в одно и то же время отмечались экономический рост и относительная степень равенства по сравнению с ситуацией в Латинской Америке. Возможные причины замедления экономического роста в странах с ощутимым неравенством включают в себя такие факторы, как наличие менее обеспеченных избирателей, поддерживающих высокое налогообложение в сфере экономики, неэффективный механизм доступа к основным ресурсам экономического развития – земле и капиталу, а также неспособность быстро адаптироваться к постоянно меняющейся и неустойчивой глобальной экономической ситуации [*Birdsall* 2000, p. 13–14]. Прямым политическим следствием неравенства может являться слабое стремление правительств инвестировать средства в образование, человеческий капитал и социальную инфраструктуру и несправедливое распределение общественного

богатства в пользу более сильных и могущественных слоев. Это может привести к эрозии социального капитала в гражданском обществе, росту преступности и насилия, ухудшению состояния здоровья населения в целом.

Следующий аспект неравенства, который необходимо принять во внимание, состоит в том, как оно воспринимается индивидами и домохозяйствами. Россия в данном случае является хорошим примером, поскольку в 1990-е годы неравенство здесь росло бурными темпами, которые впоследствии удалось несколько приостановить. Вполне логично предполагать, что это должно было как-то отразиться на общественном сознании. В связи со снижением доходов населения и ростом неравенства в России вплоть до середины 1990-х годов массовые опросы фиксировали острое недовольство населения материальными обстоятельствами жизни, в которых оказалось большинство домохозяйств. В обществе было широко распространено недоверие к существующей политической системе, так же как и мнение о том, что раньше, в эпоху СССР, жилось лучше [Rose 1998]. Тем не менее за последние годы в общественном сознании наблюдаются значительные изменения. По сравнению с серединой 1990-х годов удовлетворенность россиян жизнью в целом возросла в два раза [Fritjers et al 2005], также налицо заметный рост положительных самооценок уровня благосостояния и личных возможностей [Lokshin, Ravallion 2003]. Восприятие и оценка финансового положения семьи улучшились кардинально [Mroz, Henderson, Popkin 2004].

Однако сдерживание темпов роста неравенства и скачок в степени субъективной удовлетворенности населения, судя по имеющимся данным, не находятся в строгой зависимости. Несмотря на то что уровень доходов является наиболее значимым фактором, ассоциирующимся со степенью удовлетворенности, ряд исследователей обнаружили, что этим фактором объясняется только 10% динамических изменений [Fritjers et al 2005]. Аналогичным образом Lokshin and Ravallion (2003) утверждают, что неравенство по доходам слабо связано с повышением самооценок собственных возможностей и уровня благосостояния. Возможно, связь между степенью удовлетворенности и сдерживанием темпов роста неравенства в меньшей степени обусловлена личной оценкой индивидом собственного места по шкале распределения по доходам, а в большей степени зависит от общего отношения к равенству. Известно, что уравнивательные установки в странах Центральной и Восточной Европы, и особенно в России, остаются достаточно сильными, и они значительно сильнее, чем в западных странах [Suhrcke 2001].

Еще одной проблемой, связанной с действительным опытом индивидов (и имеющей особое отношение к ситуации в России в период масштабных перемен), является отделение целостной картины распределения по доходам от индивидуального опыта, испытываемого в течение определенного времени. Janovich (2001) продемонстрировал, что, судя по данным RLMS, начиная с 1994 по 1998 г. доходы порядка 60% российских домохозяйств как удваивались так и наполовину сокращались (у остальных россиян доходная динамика не отмечена), в то время как общая картина распределения по доходам оставалась поразительно стабильной. Можно предположить, что здесь кроется существенное объяснение парадоксальной ситуации с растущей удовлетворенностью населения: личные финансовые ресурсы домохозяйств за последние годы могли оста-

ваться гораздо более стабильными, что бы при этом ни происходило со степенью расслоения в обществе.

Наконец, коснемся вопроса очевидного роста неравенства в глобальном масштабе, будь то неравенство «внутри страны» или «между странами». Поскольку мы в основном обсуждаем проблему «внутристрановых» неравенств, есть определенная озабоченность тем, что оно растет, или, по меньшей мере, не снижается. Но факт растущего неравенства между странами может стать куда более значимым. Например, с начала 1990-х годов существуют серьезные расхождения в уровне среднедушевых доходов между постсоциалистическими странами с транзитивной экономикой. Так, доходы жителей Центральной Европы и ряда прибалтийских государств более приближены к западноевропейским, чем доходы жителей стран СНГ [Manning 2004]. В исторической перспективе, начиная с XIX в., неравенство все больше смещается с национального, на межнациональный уровень, ныне составляющий до 70% всего глобального неравенства [Milanovic 2006, p. 16].

Что такое неравенство и как мы можем его измерить?

Беглый взгляд на опубликованные данные о бедности и неравенстве в России обнаруживает поразительную вариативность показателей. Оценки бедности варьируются от 20 до 40%, а коэффициент Джини, измеряющий неравенство, различается в диапазоне от 0,35 до 0,5. Что это означает? Является ли это действительной динамикой показателей с течением времени или артефактом, зависящим от используемых инструментов измерения? Ответ и в том, и в другом. Но если мы признаем степень произошедших изменений в ситуации с неравенством и их возможные последствия, нам необходимо понимать суть вариативности представляемых показателей.

Имеются три базовых элемента, измеряющих неравенство, и для каждого из них существуют альтернативные (иногда конкурирующие) подходы, во многом влияющие на полученные результаты. Первый заключается в природе фактически распределенного общественного богатства. Его проще всего уловить, опираясь на сведения о зарплатах. Принимая во внимание, что в основе всего находится материальное благосостояние, уровень зарплаты мог бы служить вполне разумным руководством. Однако есть определенные проблемы. Около 50% населения, по всей вероятности, состоят в трудоспособном возрасте и могут быть заняты. Иные источники доходов включают в себя пенсии, ренту, дивиденды, прибыль, процент с капитала, межсемейные трансферты и т. д., и это также должно быть измерено или оценено. Mroz, Henderson and Popkin (2005), например, констатировали, что доля заработной платы в совокупных доходах российских домохозяйств составляет чуть менее 50%.

Более того, доход не всегда расходуется на потребление товаров, или напрямую и фактически используется только внутри домохозяйств. Следовательно, альтернативой является измерение расходов. Здесь снова возникают проблемы. Члены домохозяйства делят потребление различными способами. Помимо этого они совместно используют такие немонетарные стороны потребления, как образовательные, медицинские, жилищно-коммунальные услуги и т. д. Например,

Mitra и Yemtsov (2006) демонстрируют, что в 2003 г. коэффициент Джини снижается с 0,45 до 0,35, если в общую структуру денежных расходов домохозяйств включается оплата жилья и коммунальных услуг. Факторы, подобные этим, также должны замеряться или учитываться в оценках. Кроме того, необходимо четко определиться, что выступает в качестве первичной единицы анализа – индивиды или домохозяйства?

Вторым элементом измерения неравенства является сбор данных. Хотя сведения о доходах от заработка можно получить из официальной статистики (тарифы и средний уровень зарплат, уровень занятости и т. д.), гетерогенная природа доходов и потребления на практике означает, что почти все используемые данные основаны на непосредственных обследованиях населения. Большинство исследователей опираются на два источника: Российский мониторинг экономического положения и здоровья (4700 домохозяйств) и Обследование бюджетов домохозяйств, проводимое Росстатом (49 000 домохозяйств). Преимуществом этих источников по сравнению с другими исследованиями является использование в них единого измерительного инструментария, который повторяется с начала 1990-х годов и демонстрирует динамику основных изменений с течением времени. Первый источник охватывает более широкий спектр доходов и расходов домохозяйств в отличие от второго. Существуют известные расхождения в данных, полученных по результатам этих двух исследований: например данные RLMS предполагают, что в середине 1990-х годов наблюдался стремительный рост неравенства, в то время как результаты второго исследования демонстрируют прямо противоположную картину [Sheviakov, Kiruta 2001, p. 7]. Это объясняется различиями, связанными с объемом выборок, региональным представительством и способом расчета совместного потребления внутри домохозяйств (технически то, что рассчитывается на душу, должно подвергаться дефляции с учетом совместного потребления коммунальных услуг, меньшего потребления детей и т. д.). Оба исследования испытывают недостаточность данных, касающихся теневых заработков (неформальной экономической активности) и натуральной составляющей доходной обеспеченности (т. е. бартера). В исследования практически не попадают сведения о доходах богатых домохозяйств.

Сопоставимый коэффициент Джини для России, так же как и для других экс-социалистических стран, можно получить из исследования UNICEF's TransMONEE (2005), которое находится в свободном доступе в сети Интернет. Существует масса других специальных исследований и качественных данных, на основе которых можно скорректировать отклонения в оценках, опираясь на крупные лонгитюдные обследования.

Третьим элементом служит фактический индикатор неравенства, который можно рассчитать на основе вторичного анализа полученных данных. В литературе представлены два основных индекса: коэффициент Джини и индекс «энтропии» Тэйла (Theil's 1967 «entropy» index). Как обобщающий измерительный инструмент, коэффициент Джини представляет собой интуитивный вызов, в то время как «кривая Лоренца» наглядно показывает кумулятивное распределение доходов в интервале от нуля (абсолютное равенство) до единицы (абсолютное неравенство). На нее достаточно часто ссылаются в докладах различные международные организации, когда хотят продемонстрировать, какова динамика

неравенства в различных странах (т. е. Россия за период 1990-х годов продвинулась в интервале от 0,3 до 0,45) и каковы сравнительные показатели в различных группах стран (например, Скандинавия за тот же период времени сумела удержаться на уровне 0,25). В целом общемировой индекс подушевого неравенства в настоящее время составляет около 0,65, в то время как дифференциация между странами растет более заметными темпами, чем дифференциация внутри стран, на что уже обращалось внимание выше [Milanovic 2006].

Подобное разграничение на внутри- и межстрановом уровне требует процедуры «декомпозиции» неравенства, что обычно и делается с целью понимания, какие именно группы населения или регионы вносят наибольший вклад в совокупный обобщенный показатель. Существует техническая проблема при использовании для этих целей коэффициента Джини, поэтому в качестве альтернативы обычно принято опираться на индекс «энтропии» Тэйла. Это хороший инструмент для измерения вероятностного распределения доходной единицы, исходящей от конкретного индивидуума. Как и с ситуацией с коэффициентом Джини, ноль в данном случае означает абсолютное равенство, но верхний предел шкалы варьируется в зависимости от размера населения, поэтому каждая конкретная цифра мало что значит вне рассматриваемого контекста. Но это хороший показатель для декомпозиции неравенства в зависимости от отдельных групп населения и регионов.

Проблема с источниками данных не является собственно проблемой России. К примеру, в Великобритании и Финляндии, как мы можем судить по данным, представленным в работе Аткинсона [Atkinson 2003, figs 2 and 6], суммарный коэффициент Джини также зависит от методики его расчета: см. графики.

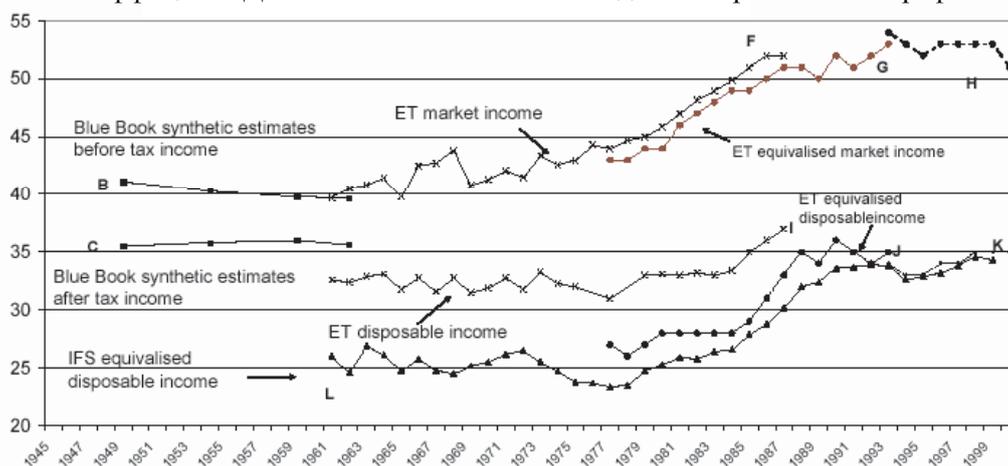

График 1. Неравенство по доходам в Великобритании, 1949–2000 гг.

Слева дано название пяти индексов: 1. Blue Book Synthetic взвешенный до удержания налогов; 2. Blue Book Synthetic взвешенный после удержания налогов; 3) 3-й: IFS взвешенный располагаемый доход; 4) Blue Book Synthetic est nuães после удержания налогов и наконец: IFS взвешенный располагаемый доход.

Далее по кривым сверху: ET рыночный доход, чуть правее: взвешенный рыночный доход, чуть ниже ET взвешенный располагаемый доход, и в самом низу ET располагаемый доход. Следующая часть таблицы: годы даны также через два, начиная с 1945, Blue Book Synthetic est nuães после удержания налогов и IFS взвешенный располагаемый доход, дальше черточка идет к ET располагаемому доходу.

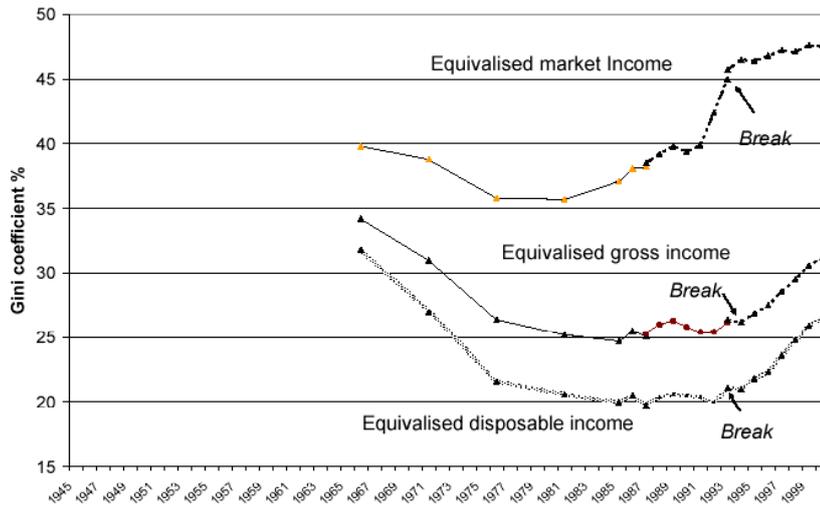

График 2. **Неравенство по доходам в Финляндии, 1966–2000 гг.**

Даты с 1945 по 1999 (через два года), слева коэффициент Джини; названия кривых сверху вниз: взвешенный рыночный доход, взвешенный валовой доход и взвешенный располагаемый доход. По графику указаны точки перелома, помеченные словом break.

Какова модель российского неравенства?

Учитывая рассмотренные нюансы, обратимся к вопросу – какова же общая картина российского неравенства? В целом, начиная с 1992 г., мы наблюдаем его резкий рост в результате произошедшей либерализации цен и коллапса производства. Соответственно, некоторая стабилизация этих процессов и даже определенное снижение неравенства стало происходить по мере возобновления устойчивого экономического роста, отмечаемого с 2001 г.:

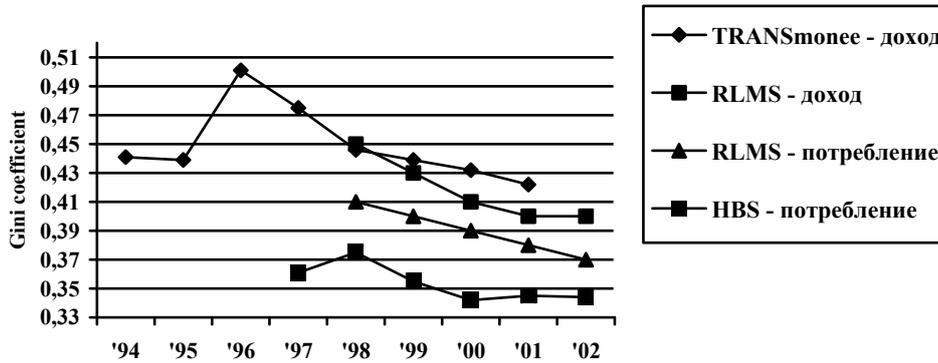

График 3. **Неравенство в России, 1994–2002 гг.**

Источники:

TRANSmonee, 2002, (доход)

RLMS [Shaban et al, 2006, p. 41] («реальный» доход и «реальное» потребление)

Росстат, Исследование бюджетов домохозяйств [Shaban et al. 2006 p. 37, 105] («реальное» потребление)

Мы можем рассмотреть представленную на графике модель в контексте Люксембургского исследования доходов (Luxembourg Income Study data). Это исследование скорее основано на данных о доходах, чем о потреблении, на денежном компоненте в противовес недежным источникам, на данных о домохозяйстве в отличие от индивида. Smeeding показывает, что в середине 1990-х годов – период, особенно трудный с точки зрения экономического развития переходной России – показатели российского коэффициента Джини были более типичны для ситуации в Латинской Америке, чем для стран Европы или США [Smeeding 2002, p. 187]:

Бразилия	1996	.571
Мексика	1995	.494
Аргентина	1996	.442
США	1997	.372
Великобритания	1995	.344
Австралия	1994	.311
Канада	1998	.305
Италия	1995	.342
Франция	1994	.288
Германия	1994	.261
Россия	1995	.447

В условиях нестабильности доходов домохозяйств, о которых сообщает Janovich (2001), воздействие представленной модели неравенства на повседневную жизнь домохозяйств и индивидов легче всего прослеживается на основе проведения углубленных интервью. Свой небольшой вклад в исследования подобного рода внес и автор данной статьи, основываясь на наблюдении за жизнью 19 бедных домохозяйств, которые в общей сложности были проинтервьюированы шесть раз за период с 1996 по 2001 г. [Manning, Tikhonova 2004]. Все эти домохозяйства представили полный спектр сведений о своем финансовом положении на протяжении шести лет. Некоторые вынуждены были бороться за выживание в крайне бедственных условиях, в то время как другим удавалось «удержаться на плаву» за счет использования смешанных ресурсов занятости, семьи, друзей и благоприятного стечения обстоятельств. Ситуация в одних домохозяйствах складывалась относительно стабильно, в то время как другие столкнулись с периодами стремительных изменений. Более того – субъективное восприятие собственных жизненных стандартов самими домохозяйствами иногда было мало связано с их действительной жизненной ситуацией. Данные Русиновой и Брауна [Rusinova, Brown 2003], полученные в ходе исследования доступности медицинской помощи для 32 богатых и бедных домохозяйств из Санкт-Петербурга в 1999 г., перекликаются с нашими результатами. Те, кто имел более высокий социальный статус, умело использовали сложившиеся социальные сети, знания, и там, где это необходимо, деньги, для того чтобы получить максимум от существующей системы здравоохранения. Эти ресурсы были попросту недоступны для бедных семей, которые в результате получали и потребляли на порядок меньше в плане заботы о собственном здоровье.

Из каких компонентов складывается неравенство и как оно может объясняться?

Поскольку мы уже упоминали о том, что стабильность распределения может вполне сочетаться с конкретным опытом отдельных домохозяйств, испытывающих значительные изменения, необходимо проверить, какие из факторов вносят наибольший вклад в общую картину доходного распределения. Например, все ли типы доходов равномерно распределены? Как проявил себя эффект задержек зарплат и пособий, столь типичных для 1990-х годов? Какова сравнительная ситуация с доходным распределением на межрегиональном и внутрорегиональном уровнях? Для того чтобы получить ответ на эти вопросы, необходимо разбить на компоненты общую картину распределения, что могло бы помочь нам найти частичные объяснения тем изменениям, которые мы наблюдаем.

Мы ссылались на данные о том, что зарплата составляет примерно половину совокупных доходов домохозяйств. Тем не менее неравенство в заработной плате обычно стоит на первом месте в ряду причин, объясняющих неравенство по доходам. Митра и Емцов доказывают, что в России значительный скачок неравенства («CIS Middle I»), пришедшийся на первый этап транзитивного периода, явился результатом растущего воздействия трех факторов: зарплат, доходов от предпринимательской деятельности и пенсий [Mitra, Yemtsov 2006, p. 29, Table 8] (см. табл. 1).

Таблица 1. Стилизованная декомпозиция доходного неравенства по типам доходов до и после периода трансформации в соответствии с группировкой ESA

Регион ¹	Зарплаты		Доходы от предпринимательской деятельности		Пенсии		Другие социальные трансферты		Всего	
	До-	После-	До-	После-	До-	После-	До-	После-	До-	После-
Доля в доходах, %										
CEE	60	50	20	24	17	21	5	7	100	100
CIS Middle I	78	53	9	23	8	18	5	6	100	100
CIS Low I	50	20	30	70	10	5	10	5	100	100
Коэффициенты концентрации, x100										
CEE	23	32	31	31	16	23	-8	-12	22.3*	27.4*
CIS Middle I	25	52	17	43	0	20	0	11	21.0*	41.7*
CIS Low I	30	55	30	50	-5	5	0	-5	23.5*	46.0*
Вклад в совокупное неравенство, %										
CEE	62	58	28	27	12	18	-2	-3	100	100
CIS Middle I	93	66	7	24	0	9	0	2	100	100
CIS Low I	64	24	38	76	-2	1	0	-1	100	100
Вклад в динамику неравенства, (пункты коэффициента Джини)										
CEE	+2.2		+1.2		+2.1		-0.4		+5.1*	
CIS Middle I	+8.0		+8.4		+3.6		+0.7		+20.7*	
CIS Low I	-4.0		+26.0		+0.8		-0.3		+22.5*	

¹ Источник: CEE and CIS Middle income based on Milanovic (1998) (CEE and FSU), Low income CIS – own estimates.

Здесь одновременно прослеживаются два процесса: динамика распределения внутри каждой группы и движение людей между группами. Существенное возрастание значимости доходов от предпринимательской деятельности в совокупном неравенстве явилось результатом, с одной стороны, роста количества присоединившихся к этому сектору экономики («ваяние среднего класса» в терминологии Милановича – [Milanovic 1998], а с другой – растущего расслоения внутри самого этого сектора.

В любом случае, поскольку зарплаты определяют размер пенсий, они остаются ключевым компонентом, определяющим неравенство. Каким образом мы можем подвергнуть этот отдельно взятый ключевой элемент дальнейшей декомпозиции? В литературе часто присутствуют четыре объясняющих фактора (далее по [Mitra, Yemtsov 2006, pp. 40–41]). Первый связан с повсеместным распространением задержек зарплат, явившихся серьезной проблемой 1990-х годов. Пик этих процессов пришелся на ноябрь 1998 г., когда две трети работающих имели долги по зарплате, а фактически выплаченная зарплата свидетельствовала об очень высоком коэффициенте Джини на тот период времени – 0,58. К 2004 г. доля рабочих, имевших задержки по зарплате, сократилась до 15%, и «зарплатный» коэффициент Джини снизился до 0,44. Второй фактор – это крайне низкий уровень минимальной оплаты труда, установленный в России. Составляя 10% от средней зарплаты, он далеко отстает от норматива, принятого в остальных странах Центральной и Восточной Европы, где в среднем он составляет 40%. Применительно к верхнему полюсу доходного распределения (о чем уже упоминалось) различия в оплате труда в зависимости от формы собственности предприятия, особенно различия между частным и государственным секторами, выступают в качестве значимого фактора получения более высоких зарплат. Теневые добавки к зарплатам в частном секторе экономики в начале 1990-х годов, по всей видимости, удвоились, однако к концу десятилетия снизились не менее чем на 30%. Наконец, существует значительная межрегиональная дифференциация оплаты труда, которая за период с 1995 по 2003 г. возросла фактически в три раза, на чем подробнее мы остановимся ниже.

Таблица 2. Декомпозиция неравенства по зарплатам в зависимости от факторов, определяющих размер оплаты труда

	Польша		Венгрия		Россия		Россия	
	1995		1997		1996		2001	
	% total variance	explained variance						
Образование	11,5	43,9	25,9	61,7	2,7	8,1	3,5	11,9
Опыт работы	3,8	11,6	2,1	5,0	1,5	4,6	0,2	0,7
Пол	6,8	20,5	3,8	9,1	6,5	20,0	4,9	16,7
Форма собственности	-0,6	-1,9	0,0	0,0	1,0	3,0	3,4	11,6
Сектор экономики	8,7	26,3	4,8	11,3	7,5	23,0	5,7	19,4
Месторасположение	2,9	8,6	5,5	13,1	13,5	41,3	11,7	39,8
Не объяснено	66,9		57,9		67,3		70,6	
ВСЕГО	100		100		100		100	

Источник: [Mitra, Yemtsov 2006, Table 13].

Возвращаясь к анализу отдельных факторов, менее значимо определяющих неравенство, мы обнаружили заметную вариативность данных, представленных в литературе по данной теме. Например, те же Митра и Емцов [Mitra, Yemtsov 2006, p. 42, pp. 47–49] демонстрируют, что гендер играет важную роль, в то время как образование менее значимо, что следует из данных табл. 2.

Для сравнения отметим, что Кислицына обнаруживает, что образование, наоборот, выступает в качестве более значимого фактора, чем гендер [Kislitsyna 2003]:

Таблица 3. Пропорциональный вклад различных характеристик домохозяйств в неравенство по доходам в России (1994–2000 гг.)

	S _j				% R ²			
	1994	1996	1998	2000	1994	1996	1998	2000
Пол главы семьи	1,5	0,8	0,5	1,2	6	3	2	6
Возраст главы семьи	1,2	0,6	0,5	0,2	5	2	2	1
Образование главы семьи	3,4	2,9	3,2	3,8	13	11	15	19
Состав домохозяйства	0,1	0,1	0,3	0,2	0	0	1	1
Структура доходов домохозяйства	11,9	16	13,8	10,5	45	59	63	52
Статус занятости главы семьи	1,4	0,9	0,4	1,2	5	3	2	6
Регион	5,6	4,9	2,7	2,1	21	18	12	10
Тип поселения	1,3	0,9	0,6	0,9	5	3	3	4
R ²	26	27	22	20	100	100	100	100

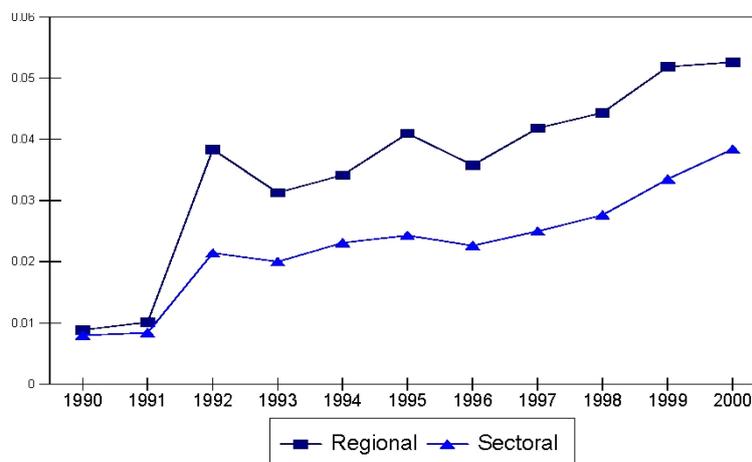
Примечание: S_j представляет собой влияние переменной j на доходное распределение в определенной временной точке; % R² представляет собой влияние переменной j на доходное распределение в процентном отношении к общей объяснительной модели: 100(sj/R²)

Попова также подтверждает, что декомпозиция неравенства по гендеру свидетельствует о том, что до 95% существующего неравенства остается внутри рассматриваемой гендерной подгруппы и только 5% возникает в результате выраженных гендерных различий [Popova 2002, p. 405]. Действительно, это выглядит вполне правдоподобно, особенно на фоне сопоставления ряда возможных значимых факторов, столь хорошо проиллюстрированного Кислицыной [Kislitsyna 2003, Table 6].

Снова обращаясь к региональному фактору, нужно отметить, что большинство исследований констатируют его значимую роль в происхождении неравенства, и это еще один сильнейший его катализатор, наряду с различиями между частным и государственным секторами экономики. Строго говоря, это касается межрегиональных различий: внутрирегиональное расслоение обусловлено всеми из уже перечислявшихся выше факторов, среди которых задержки зарплат и рост занятости в частном секторе. Емцов (2002), опираясь на данные Обследования бюджетов домохозяйств Росстатом, приходит к выводу, что треть существующего совокупного неравенства должна быть отнесена на счет межрегиональной дифференциации. Достаточно четкая иллюстрация этой ситуации представлена Габриати и Критинской [Galbraith, Krytynskaia 2002, p. 91]:

Таблица 4. Внутригрупповое и межгрупповое неравенство (1994–2000 гг.)

	Год	I0	Компоненты		%I0	
			внутри	между	внутри	между
Пол главы семьи	1994	0,389	0,385	0,004	99,0	1,0
	1996	1,217	1,215	0,002	99,8	0,2
	1998	0,611	0,610	0,001	99,9	0,1
	2000	0,319	0,316	0,003	99,9	1,0
Возраст главы семьи	1994	0,389	0,381	0,008	97,8	2,2
	1996	1,217	1,205	0,012	99,0	1,0
	1998	0,611	0,605	0,005	99,1	0,9
	2000	0,319	0,312	0,007	97,7	2,3
Образование главы семьи	1994	0,389	0,375	0,014	96,4	3,6
	1996	1,217	1,197	0,020	98,4	1,6
	1998	0,611	0,598	0,013	97,9	2,1
	2000	0,319	0,307	0,012	96,3	3,7
Состав домохозяйства	1994	0,389	0,389	0,000	99,9	0,1
	1996	1,217	1,215	0,002	99,9	0,1
	1998	0,611	0,610	0,001	99,8	0,2
	2000	0,319	0,319	0,000	99,9	0,1
Структура доходов домохозяйства	1994	0,389	0,363	0,026	93,2	6,8
	1996	1,217	1,160	0,057	95,3	4,7
	1998	0,611	0,578	0,033	94,6	5,4
	2000	0,319	0,295	0,024	92,5	7,5
Статус занятости главы семьи	1994	0,389	0,369	0,020	94,9	5,1
	1996	1,217	1,192	0,025	98,0	2,0
	1998	0,611	0,592	0,019	97,0	3,0
	2000	0,319	0,302	0,017	94,8	5,2
Регион	1994	0,389	0,375	0,014	96,4	3,6
	1996	1,217	1,199	0,018	98,5	1,5
	1998	0,611	0,604	0,007	98,8	1,2
	2000	0,319	0,314	0,005	98,5	1,5
Тип поселения	1994	0,389	0,379	0,010	97,4	2,6
	1996	1,217	1,202	0,014	98,8	1,2
	1998	0,611	0,604	0,006	99,0	1,0
	2000	0,319	0,314	0,005	98,3	1,7

Источник: Авторские расчеты на основе данных Росстата.

График 4. Динамика неравенства в России по регионам и секторам экономики (1990–2000 гг.)

Иногда утверждается, что федерализм и слабая региональная политика виновны в том, что региональный фактор приобрел такое большое влияние. Но в результате детального анализа ряда существующих данных Брэдшоу и Вартапетов утверждают, что доходы, как правило, определяющие растущую неоднородность, потребление социальных услуг (в частности, в сфере здравоохранения и образования) и региональная инфраструктура, обеспечиваемая состоянием дорог, на практике остаются гораздо более стабильными и уравнивающими [Bradshaw, Vartapetov 2003]. Федоров приходит к тому же выводу, ссылаясь на то, что доминирующим фактором регионального неравенства на самом деле является доля экспортной торговли в региональных бюджетах [Fedorov 2002].

Выводы

В России в 1990-е годы неравенство стремительно возросло. Существует ряд способов, которыми это можно зафиксировать, но временной тренд ясно говорит сам за себя. За последние пять лет рост показателей неравенства замедлился, и возможно, это начало отсчета в противоположном направлении. Значение этой модели варьируется. На макроуровне остается открытым вопрос о том, замедляет ли неравенство темпы экономического роста – в настоящее время это становится очередным непреложным постулатом в определенных кругах экономистов. Российский экономический рост является общепризнанным фактом, или, что более соответствует действительности, предопределен экспортно-ориентированными сырьевыми секторами экономики. Эти отрасли, скорее всего, менее чувствительны к степени внутреннего расслоения в обществе в отличие от ситуации в производственном секторе эпохи азиатского «чуда» 1990-х годов.

Причины неравенства более-менее ясны. Перешедшие в частный сектор экономики заметно выиграли в материальном плане, так же как и те, кто оказался способен заняться частной предпринимательской деятельностью. Те, кто продолжал практиковать традиционную занятость, будь то производство или сфера услуг, страдали от задержек заработной платы и сокращения выплат перед лицом инфляции, в корне подрывающей основы старой эгалитарной системы распределения. В отличие от государств Центральной Европы внимание к образованию оказалось не столь ярко выражено в пореформенной России, точно так же как не были озвучены гендерные последствия протекающих процессов. Неблагоприятное влияние некоторых из этих факторов было устранено в последнее время – особенно это касается задержек зарплат. С другой стороны, региональное неравенство не снижается, приоритетное положение столичных (показателен эффект Москвы) и экспортно-ориентированных сырьевых регионов продолжает сохраняться. Тем не менее возможности исследовательских методик, направленных на то, чтобы отследить верхний полюс в распределении доходов и богатства, остаются ограниченными, и мы не можем получить четкое представление о богатстве на фоне этой картины общественного расслоения.

Несмотря на то, что неравенство не стоит на пути наблюдаемого российского экономического роста, оно явно сказывается на положении российского населения. Бедность растет стремительными темпами, и последствия в сфере

повседневной жизни выглядят поистине опустошающими. Растет младенческая смертность, возросла опасность инфекционных заболеваний [Manning, Tikhonova 2004, chapter 1, passim]. Целому поколению пришлось жить в период острой тревоги и нестабильности.

В то время как быстрые изменения экономической конъюнктуры оставляют для домохозяйств и индивидуумов шанс обеспечить себе благополучное будущее (в той или иной степени), есть очевидные свидетельства того, что значительная доля населения на сегодняшний день застряла в состоянии длительной застойной бедности. Это само по себе расширяет зону аккумуляции персональных неудач и оставляет слабую перспективу на выход из этого состояния ценой исключительно личных усилий. Влияние государственной социальной и региональной политики приоритетных затрат в лучшем случае нейтрально по отношению к указанной группе, а более вероятно то, что она только ухудшает ситуацию с неравенством по причине своей низкой адресности и финансовой ограниченности.

Перевод с англ. Н.М. Давыдовой

Литература

- Birdsall N. Why Inequality Matters: the Developing and Transitional Economies // Paper to Conference on The World Economy. Massachusetts, 2000. Feb 18–19.
- Bradshaw M.J., Vartapetov K. A New Perspective on Regional Inequalities in Russia // Eurasian Geography and Economics. 2003. Vol. 44. № 6.
- Fedorov L. Regional Inequality and Regional Polarization in Russia, 1990–1999 // World Development. 2002. Vol. 30. № 3.
- Frijters P., Geishecker I., Haisken-DeNew J.P., Shields M.A. Income and Life Satisfaction in Post-transition Russia: a New Empirical Methodology for Panel Data. 2005.
- Galbraith J.K., Krytynskaia L. The Experience of Rising Inequality in Russia and China During the Transition // The European Journal of Comparative Economics. 2002. Vol. 1. № 1.
- Janovich B. Russian Roller Coaster: Expenditure Inequality and Stability in Russia, 1994–1998 // Review of Income and Wealth. 2001. Series 47. № 2.
- Kislitsyna O. Income Inequality in Russia During the Transition. How Can it be Explained? // Economics Education and Research Consortium. Working paper series. 2003. № 03/08.
- Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. 1955. Vol. 45. № 1.
- Lokshin M., Ravallion M. Rich and Powerful? Subjective Power and Welfare in Russia. WBank, 2003.
- Manning N. Diversity and Change in Pre-accession Central and Eastern Europe Since 1989 // Journal of European Social Policy. 2004. Vol. 19. № 3.
- Manning N., Tikhonova N. Poverty and Social Exclusion in the New Russia. Ashgate, 2004.
- Milanovic B. Global Income Inequality: What it is and Why it Matters. World Bank, 2006.
- Mitra P., Yemtsov R. Inequality and Growth in Transition: does China's Rising Inequality Portend Russia's Future? World Bank draft, 2006.
- Mroz T., Henderson L., Popkin B. Monitoring Economic Conditions in the Russian Federation, the Russian Longitudinal Monitoring Survey 1992–2004. University of North Carolina at Chapel Hill, 2005.

- Popova D.* The Impact of the Gender Composition of Households on Inequality and Poverty: a Comparison Across Russia and Eastern Europe // *Communist and Post-Communist Studies*. 2002. № 35.
- Rose R.* *New Russia Barometer VII* // *Studies in Public Policy*. 303. Glasgow: University of Strathclyde, 1998.
- Rusinova N.L., Brown J.V.* Social Inequality and Strategies for Getting Medical Care in Post-Soviet Russia // *Health: an Interdisciplinary Journal for the Social Study of Health, Illness and Medicine*. 2003. Vol. 7. № 1.
- Shaban R. et al.* *Reducing Poverty through Growth and Social Policy in Russia*. Washington: World Bank, 2006.
- Sheviakov A.Y., Kiruta A.Y.* Economic Inequality, Standards of Living, and Poverty in Russia: Measurement and Causal Dependencies // *Economic Education and Research Consortium*. 2001.
- Smeeding T.* Globalisation, Inequality and the Rich Countries of the G-20: Evidence from the Luxembourg Income Study (LIS). Centre for Policy Research Working Papers. W 48. New York: Syracuse University, 2002.
- Suhrcke M.* Preferences for Equality: East vs. West // *Innocenti Working Paper*. № 89. Florence: UNICEF, 2001.
- Theil H.* *Economic and Information Theory*. Amsterdam: North Holland, 1967.
- Yemtsov R.* Quo Vadis: Inequality and Poverty Dynamics Across the Russian Regions in 1992–2000 Cornell/LSE/WIDER Conference on Spatial Inequality, 2002.